

УДК 811.16

О ПРИЧИНАХ И ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭНАНТИОСЕМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В МЕЖСЛАВЯНСКОМ АСПЕКТЕ

© 2010 г.

Е.М. Маркова

Московский государственный областной университет

Elena-m-m@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2010

Рассматривается проблема энантиосемии – развитие противоположных сем в структуре одной лексемы. Главные причины этого явления выявляются на основе сравнительно-исторического анализа русского языка с родственными славянскими языками.

Ключевые слова: энантиосемия внутриязыковая и межъязыковая, семантическая эволюция слова, внутрисловная антонимия.

Энантиосемия – явление, связанное с семантическим развитием слова. Она определяется как способность слова развивать в пределах лексемы противоположные, антонимические значения. С одной стороны, данное явление можно рассматривать как разновидность антонимии («внутрисловная антонимия») [4: 231]. С другой стороны, энантиосемия близка к полисемии и омонимии, так как связана с развитием многозначности, приводящей в данном случае к образованию слов-омонимов или «семантических вариантов» одного слова (полисемантов). В случае развития полярных значений у генетически общего слова в близкородственных (например славянских) языках можно говорить о межъязыковой энантиосемии.

«С исторической точки зрения вся совокупность омонимов, развившихся из одной смысловой единицы, может быть рассматриваема как разветвления одного слова, как его исторические вариации, если есть возможность установить непосредственную генетическую связь между разными значениями и показать непрерывность их развития» [1: 119]. Все относимые сюда лексические единицы обладают этимологически общим корнем, «семный состав которого «рассыпался» по разным языкам, преобразовался в других смысловых комбинациях, расширился или сузился в значениях, развил новые семантические ответвления» [3: 166]. Но внимательное рассмотрение подобных слов с этимологической точки зрения позволяет увидеть следы их былой семантической близости.

В силу устойчивости праславянского лексического фонда в современных славянских языках таких оморфемных лексем достаточно много, причем спектр семантических расхожде-

ний их весьма широк: от оттенков в значениях до энантиосемии. Обращение к истории русского языка и к родственным славянским языкам (наше сопоставление велось, в основном, с чешским языком) позволяет выявить основные причины возникновения явления энантиосемии, а также обнаружить различные ее проявления.

Анализ причин возникновения этого явления позволяет рассматривать его прежде всего в качестве «своеобразного реликта семантики древних корней» [4: 239]. Главным фактором возникновения смысловой антонимии является недифференцированный характер этимона, «расколовшегося» впоследствии на «противосмысл». Обобщенный характер первичного значения заключал в себе возможность различного (вплоть до противоположного) смыслового развития, как, например, произошло с лексемами *начало* и *конец*, восходящими к общему для них и.-е. корню **ken-*, обозначающему ‘предел’ (ЭСРЯ)¹. Общность этимологии свидетельствует о первичности одного нерасчлененного понятия – ‘конца-начала’ или ‘концов’ [2: 4]. Значение ‘начало’ прослеживается в наречии с данным корнем *искони*, в выражении *испокон веков*. Ср. также семантическое развитие праславянских корней **jed* ‘еда, пища’, ‘яд, отравы’ **trav-* ‘пища, продукты’ и ‘отравы’ (так же, как франц. *poison* – ‘яд’ от лат. *potiō* ‘напиток’, *fortuna* во французском ‘счастье’ и румынском ‘буря, несчастье’).

Обобщенный, синкретичный характер семантики древнего корня, отражавшего обобщенные представления древнего человека о мире, нередко служил фактором развития «противосмыслов». Так, в праславянском языке слово *чёрствый*, восходящее к и.-е. корню **kert-*

‘бить, ударять’, означало ‘твердый, жесткий, крепкий’ (ЭСРЯ). Оно послужило основой развития противоположных сем: с одной стороны, ‘крепкий’ → ‘твёрдый’ → ‘чёрствый’ (о хлебе, затем переносно о человеке – в русском, украинском, польском языках), с другой – ‘крепкий’ → ‘здоровый, бодрый’ (в словенском, сербском и хорватском) → ‘свежий’ (в чешском, словацком). Как видим, конечные точки этих направлений и образовали полярные смыслы: ‘чёрствый’ ↔ ‘свежий’.

Так, в чешском языке возможны следующие словосочетания: *čerstvý chléb* ‘свежий хлеб’, *čerstvé ovoce* ‘свежие фрукты’, *čerstvý sníh* ‘свежий снег’, *čerstvý vzduch* ‘свежий воздух’, *čerstvé ráno* ‘свежее утро’, *čerstvé květiny* ‘свежие цветы’, *čerstvé mléko* ‘свежее молоко’, *čerstvé noviny* ‘свежая газета’, *čerstvé síly* ‘свежие силы’, *čerstvé stopy* ‘свежие следы’, *čerstvá paměť* ‘свежая память’ и т. п. На основе значения ‘здоровый, бодрый’ развилось затем ‘быстрый, проворный, ловкий’. Оно отмечается в семантической структуре рассматриваемого слова в чешском языке (*čerstvé děvče* ‘ловкая, проворная девушка’, *čerstvý kůň* ‘быстрый конь’, *čerstvý krok* ‘быстрый шаг’), а также в болгарском, где *чевръст* – ‘быстрый, ловкий’, *чевръсто* – ‘быстро’, *чевръстина* – ‘быстрота’. В русских диалектах также отмечается слово *чёрствый* в значении ‘смелый, ловкий’ (Даль).

Характер первичной семы может заключать в себе возможность противоположно направленного смыслового движения. Так, семантика прилагательного *дошлый* обусловлена значением глагола *дойти* (до чего-то, до какого-то предела как в положительную сторону, так и отрицательную). Оно известно в русском языке в «положительном» значении ‘способный дойти до всего, смысленный, ловкий’ (напр., *дошлый парень*), встречается в диалектах и в других мелиоративных значениях, основное из которых – ‘достигший лучшего качества’ (напр., *дошлый соболю, дошлая белка, дошлые ягоды, дошлая рожь*); ‘готовый’ (*дошлый хлеб*); ‘урожайный’ (*дошлый год*). Вместе с тем в говорах известен и омоним *дошлый* в пейоративном значении «дохлый», а также ‘исхудавший, слабый, изможденный’ (СРНГ); ср.: *он совсем дошел, дойти до ручки, доходяга*. Это направление смыслового развития также связано со значением глагола *дойти* ‘достичь какого-то предела’, но в данном случае предела нездоровья, слабости.

Лексемы, выражающие эмоциональное состояние человека, удивление, впечатление от чего-то, также могут быть «заряжены» как «положительно», так и «отрицательно». Рус. *ужас-*

ный означает ‘очень плохой’ (напр., *ужасный день, ужасный обед, ужасная память* и т. п.), в то же время возможно употребление наречия *ужасно* с положительным «зарядом»: *он ужасно красивый, ужасно интересный*. Чеш. *úžasný* прежде всего ‘поразительный, удивительный, прекрасный’: *nejúžasnější den* ‘удивительнейший день’, *úžasný oběd* ‘прекрасный обед’, *úžasná paměť* ‘поразительная память’; однако возможна и отрицательная коннотация у этого слова в следующем контексте: *úžasná bída* ‘ужасная, страшная беда’. Состояние, транслируемое наречием *дивно* в русском языке, связано с положительными эмоциями, чем-то прекрасным, в чешском языке, напротив, *je mi nějak divně* означает ‘мне не по себе, нездоровится’.

Сравнительно легко развивают противоположные значения слова, употребляемые для обозначения высшей, крайней степени проявления какого-либо признака, например температурных ощущений: *жгучий* (о солнце) и *жгучий* (мороз); для выражения ценности: *бесценный* ‘не имеющий цены’ и *бесценный* ‘очень дорогой’. Образование конверсивов в пределах одной лексемы – процесс довольно распространенный и в рамках одного языка и в более широком близкородственном лексиконе, который можно рассматривать как разновидность энантиосемии. Например, рус. *одолжить* ‘дать в долг’ и *одолжить* ‘взять в долг’.

В процессе когнитивной деятельности, как известно, человек не только называет фрагменты действительности, но и дает им оценку, положительную или отрицательную (по шкалам «хороший» – «плохой», «красивый» – «некрасивый»), что также способно привести к энантиосемии. Так, праслав. **onia* (совр. рус. *вонь*) ‘запах’ (ЭССЯ) развило противоположные значения в славянских языках: ‘дурной запах’ в русском и болгарском языках и ‘приятный запах, аромат’ в чешском, польском, словенском, сохранив «нейтральное» значение «запах» в сербском и хорватском. Развитие противоположных смыслов как следствие различной оценки предмета, признака, действия часто бывает связано с «ухудшением» значения: рус. *благой* – не только ‘хороший, добрый, полезный’, но и ‘плохой’, ‘дурной, злой’, например, в выражении *кричать благим матом*.

Противоположными могут оказаться и результаты одного процесса, действия, что также находит отражение в развитии «противосмыслов»; см. рус. диал. *копец* ‘возвышенность’ (ср. и чеш. *korpec* ‘холм’) и *копец* ‘углубление, яма’ (Даль) как дериваты от глагола *копать*, обозначающего процесс, результатом которого может

стать и куча выкопанной земли, холм, и яма, откуда эту землю выкопали.

Не только процесс, но и событие может иметь противоположные результаты, что отражается в развитии противоположных семем. У слова *победа* (буквально ‘после беды’) отмечаются противоположные значения: ‘победа’ (в современном русском языке) и ‘поражение’ (в др.-рус., устар. чеш. *porěda*). «Осколки» этого значения прослеживаются в выражении *победная головушка*, где *победная* означает ‘несчастливая’.

Контекст употребления лексемы, как известно, обладает возможностями «семантического заражения». Атриктивное влияние контекста проявляется в том, что благодаря ему семантика лексемы нередко смещается в ту или иную сторону, вплоть до развития антонимичных значений. Иллюстрацией этого служит, к примеру, слово *погода*, которая приобретает противоположные смыслы в зависимости от контекста: ‘хорошая погода’ в выражении *ждать у моря погоды*, в дериватах *распогодилось*, *непогода* и ‘плохая погода, ненастье’ в выражении *на море погода поднялась*, в лексеме *година* того же корня.

Семантическое развитие древних корней связано со словообразованием. Антонимия префиксов – один из важных факторов развития полярных значений как внутри одного языка, так и при сравнении значений общих слов в родственных языках. Рус. *урожай*, чеш. *úroda* ‘урожай’, пол. *uroda* ‘красота’ (‘то, что уродилось’) и рус. *урод* (‘то, что не уродилось’) семантически противопоставлены благодаря противоположным значениям префикса у-. Антонимия глагольных префиксов – явление довольно распространенное и типологически значимое в процессе возникновения энантиосемичных глагольных пар: *отойти* в значении «прийти в себя» и *отойти* ‘умереть’, *задымить* ‘начать дымить’ и *задымить* ‘закоптить дымом’ (*за-* имеет противоположные значения: 1) ‘начало действия’ и 2) ‘доведение действия до крайней степени, до предела’). Смысловую оппозицию создает и приставка *про-* со значениями: 1) ‘полнота реализации’ и 2) ‘упущение, недосмотр’ в глаголах *просмотреть* (‘от начала до конца’, например, журнал) и *просмотреть* (т. е. ‘не увидеть’, например, вывеску). Актуально это и в межъязыковом аспекте, напр., чеш. *odměnit* ‘оплатить, вознаградить’ (*odměnit senou* ‘присудить премию’), ср. с рус. *отменить*, т. е. ‘аннулировать, изъять’. Суффиксальные параллельные образования в родственных языках также могут быть семантически проти-

воположны: рус. *веник* ‘связка прутьев или сухих веток для подметания пола или парения в бане’, а также о плохом букете – с отрицательной коннотацией (что это за веник?) и чеш. *věník* ‘ветка с цветами, фруктами’ с положительной коннотацией.

Фонетика также нередко вторгается в область семантики. Как известно, образование фонетических вариантов (например, русского и старославянского) ведет к их семантическому или стилистическому распадению, выражающемуся, в частности, в возникновении полярных смыслов у них, как это произошло в случае с вариантами *холод* и *хлад* ‘прохлада’. В языке XI – XV вв. *хладъ* и его производные употреблялись в памятниках церковно-религиозного характера и в произведениях книжнославянского типа литературно-письменного языка в значениях: ‘приятная свежая прохлада’, ‘освежающая роса, влага’, ‘спасение’, ‘тишина’ (Срезн.). С другой стороны, к энантиосемии может привести и противоположный процесс – фонетическое сближение, народная этимология. Примером может служить слово *чащоба* ‘густой лес’, ‘чаща’ и диал. *чащоба* ‘пашня, расчищенная от леса’ (Даль). Налицо сближение слов *чащоба* и диал. *чищоба* ‘вычищенное, вырубленное место’.

Заемствование лексем из одного языка в другой нередко сопровождается семантическими сдвигами, что может привести к межъязыковой энантиосемии. Рус. *роба* ‘грубая рабочая одежда’ и чеш. *roba* ‘длинное нарядное платье, вечерний туалет’ представляют собой подобную энантиосемичную пару из франц. *robe* – ‘одежда’. Нужно заметить, что современное рус. *роба* вступает в отношения энантиосемии в диахроническом аспекте с рус. *роба*, известным в XVIII в. в значении ‘нарядное, бальное платье’. Рус. *маляр* ‘рабочий, который красит стены’ и (перен.) ‘плохой художник’ энантиосемично и по денотату и коннотативно чеш. *malíř* ‘художник’, заимствованным в обоих языках из немецкого.

Одним из частных случаев развития энантиосемии является метонимия наименований ландшафта, основанная на принципе «зеркального отражения», как характерная для географической терминологии номинационная модель, выявляемая в диахронно-сопоставительном аспекте. Она проявляется, в частности, в переносе «лес» – «безлесное пространство»: рус. *гай* ‘лес’, чеш. *háj* ‘роща’, пол. *gaj* ‘лес’ и рус. диал. *гай* ‘большое поле’ (Даль); *луг* ‘поле’ и *луг* ‘лес’ в др.-рус., ст.-чеш. и ст.-слав. языках, в значении «лес в низине, кустарник» сохрани-

лось и в современных болг., серб., хорв., словен. языках; рус. диал. *рамень* 'густой лес' – рус. диал. *рама* 'пашня по соседству с лесом' (Даль). Лексема *дебри* уже в древнерусском языке совмещала «контрарные» значения 'ущелье, овраг' и 'лес' (Срезн.), у Даля определяется как 'ложбина, овраг' и 'долина, заросшая лесом', последнее значение, вероятно, и послужило промежуточным звеном для современного значения слова *дебри* 'густой непроходимый лес'.

Энантисемия может выражаться и в развитии противоположной коннотации, ядро которой составляет оценочный компонент. Лексема может стать экспликатором полярной оценки номината, развивая в таком случае энантисемичную оценочность. В результате семантического распространения лексемы *дуб* возникли разные вторичные значения, сопровождающиеся полярной оценочностью; ср. рус. *сильный, здоровый как дуб* с положительной коннотацией, и *дуб дубом, дубинноголовый, дубина стеросовая*, содержащие отрицательную оценку номинанта. Дуб является очень распространенным образом в славянской агентивной фразеологии, олицетворяющим собой, с одной стороны, крепость, мощь, ср. рус. *крепкий как дуб* 'о физически здоровом человеке', *рослый как дуб* 'об очень рослом, сильном и кряжистом мужчине', *стоять как дуб* 'о крепко, уверенно стоящем где-л. человеке', *как молодой дубок* 'о здоровом, упитанном ребенке'. Аналогичные выражения существуют в чешском языке: *silný jako dub, zdravý jako dub, může duby kácet* (букв. «он может дубы корчевать»).

С другой стороны, широко распространена и пейоративная коннотация у переносных употреблений слова *дуб*: *дуб дубом* 'о тупом человеке', *как дуб* 'о крепком, но упрямом и тупоголовом человеке', *дубиной* называют тупого человека, чеш. *má dubovou hlavu* 'твердолобый', *dubová palice / hlava* 'дубовая голова, башка', *hloupý jako dub* 'тупой как пень, как валенок'; *jako když mluvíš do dubu* 'говоришь как со стенкой, как об стенку горох'. В чешском языке оказываются более широко распространенными устойчивые выражения, построенные на образе дуба. Негативную оценочность имеют фраземы *mlčet jako dub* (рус. *молчать как рыба*), *spát jako dub* (рус. *спать как убитый*), *dubový spánek* (букв. 'дубовый сон'), *stát jako dub* (рус. *стоять как столб, как пень, как истукан*), *chláp jako dub* (рус. *парень как бык* 'о здоровом, но тупом молодом человеке').

Любопытно, что *дуб* – символ долголетия – используется и для обозначения смерти в выражении *дать дуба*, известном в восточнославян-

ских языках и означающем 'умереть', что также можно рассматривать как проявление энантисемии в семантическом развитии этой лексемы. Исходное значение оборота – 'стать неподвижным как дуб, охолодеть', ср. сходный по семантике глагол *задубеть* 'остыть, сделаться твердым', затем 'замерзнуть' и, наконец, 'умереть'. В польском языке *dać dęba* 'убежать, дать тягу, задать стрекача'.

Как своеобразную межъязыковую энантисемию можно рассматривать и стилистические дихотомии общих для славянских языков лексем, получивших в одном из языков сниженную стилистическую маркированность в результате развития отрицательной коннотации в их семантике. Так, изоморфное русскому стилистически нейтральному *женщина* чешское *ženština* ('женщина свободного поведения, уличная, гулящая') стилистически маркировано как разгворное, бранное и имеет негативную коннотацию. Рус. разг. *брюхо* общеславянского характера стало обозначать 'большой, некрасивый живот' (напр. в выражении *брюхо распустил*) с отрицательной оценкой в отличие от чешского нейтрального *břícho* 'живот'.

На уровне прагматиконов близкородственных языков энантисемия может быть обусловлена и разной оценкой тех или иных образов в разных лингвокультурах. *Вода* в русской лингвокультуре выражает нечто пустое, отсутствие существенного, в том числе и в пище, ср. идиомы: *сидеть на хлебе и воде; как вода* 'о жидком супе', чешский фразеологизм *roste jako z vody* (ср. с рус. *растет как на дрожжах*) демонстрирует положительный когнитивно-оценочный признак лексемы *voda*. Если зависть как отрицательное качество у русских ассоциируется с черным цветом (*черная зависть*), то у чехов – с белым (*bledá závist*), вместе с тем в русской лингвокультуре выражение *белая зависть* означает «хорошую, положительную» зависть.

Итак, энантисемия часто связана с различной (полярной) оценкой предмета, его качества по шкалам «хороший» – «плохой», «свежий» – «несвежий», «дорогой» – «дешевый», «холодный» – «горячий», «приятный» – «неприятный», «красивый» – «безобразный», «необходимый для жизни» – «смертельный» и др., а также понятиями, имеющими значение «предела»: «начальный» – «конечный».

Примечание

1. Материал исследования извлечен из следующих словарей:

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978-1980.

РФИЭС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.

Срезн. – Срезневский И.В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.

СРНГ – Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф.П. Филина). Л.-СПб., вых. с 1965.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.), 2-е изд. М., 1999.

ССРЯ – Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. М., 1950-1965.

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. М., 1986.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд (Под ред. О.Н. Трубачева). М., вых. с 1974.

SČS – Gebauer J. Staročeský slovník. Т. 1–2. Praha, 1903–1916.

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Т. 1-9. Praha, 1935-1957.

VČRS – Velký česko-ruský slovník (L. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky), 3-é vyd. Т. 1-2. Leda, 29005.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968. С. 53–119.

2. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

3. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев, 2004.

4. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. 1: Проблемы языкового значения. М., 2001.

ON THE CAUSES AND MANIFESTATIONS OF ENANTIOSEMY IN RUSSIAN: THE INTER-SLAVONIC ASPECT

E.M. Markova

This article deals with the problem of enantiosemy – the development of opposite semes in the structure of one lexeme. The main reasons for this phenomenon are considered from the positions of comparative historical analysis of the Russian language.

Keywords: intra-lingual and inter-lingual enantiosemy, semantic evolution of the word, intra-lexeme antonymy.